Часть третья

ЛЮДИ-СИМВОЛЫ

В истории нередко встречаются имена-символы, имена-фантомы. Они ведомы каждому, кто хоть мало-мальски знаком с событиями соответствующей эпохи, и являются неотъемлемой частью общепринятых представлений о ней, однако даже специалисты едва ли могут многое рассказать о людях, носивших такие имена. Упоминают об этих персонажах, как правило, лишь для того, чтобы конкретизировать некую абстрактную идею, которую они символизируют. Обычно подобные упоминания авторы сопровождают кочующей из работы в работу стереотипной характеристикой данного лица, не задаваясь вопросом, насколько она соответствует реалиям.

Вот, к примеру, фраза академика А.Л. Нарочницкого из вузовского учебника новой истории, по которому училось не одно поколение будущих педагогов: "14 июля был убит Марат. Роялистка Шарлота Кордэ, совершившая это преступление, действовала в контакте с жирондистами"[1]. В двух строках — три ошибки. И если одна связана с хронологией (Марат погиб 13-го), то две другие — результат воспроизведения расхожих стереотипов. На самом деле, *республиканка* Ш. Корде действовала исключительно *на свой страх и риск*.

Предлагаемые ниже вниманию читателей три биографических очерка посвящены как раз тем участникам революционных событий конца XVIII в., чьи имена давно уже превратились в символы. Шарлота Корде неизменно олицетворяет собой "белый террор", а Жорж Кутон — террор революционный. О "якобинце" же Павле Строганове постоянно вспоминают, когда хотят показать причастность русских к Французской революции. Так, кто же они, эти "люди-символы"?

---

[1] Новая история. Часть I (1640 — 1870 гг.). М., 1972. С. 145.

Глава 1

ШАРЛОТТА КОРДЕ И "ДРУГ НАРОДА"

Исчадье мятежей подъемлет злобный крик:
Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом вольности безглавой
Палач уродливый возник.

Апостол гибели, усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал,
Но вышний суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду.

А.С. Пушкин "Кинжал"

13 июля 1793 г., в половине восьмого вечера, когда солнце клонилось к закату и черные тени домов становились все длиннее, когда крыши Парижа еще горели расплавленным золотом угасающего дня, а узкие улочки наполнялись густеющими сумерками, возле дома № 30 на улице Кордельеров остановился фиакр. Из кареты вышла красивая, стройная девушка и медленно направилась к дверям. Скромное светлое платье подчеркивало совершенство ее фигуры. Из-под круглой шляпы с зелеными лентами выбивались густые темно-русые волосы, отливавшие цветом ржаных колосьев, а розовая косынка на плечах оттеняла белизну благородного лица. Большие голубые глаза смотрели задумчиво и печально. Весь ее облик говорил о полной отрешенности от мирской суеты, как будто юное создание, еще ступая по земле, душой своей уже навсегда оставило земные заботы.

И это впечатление не было обманчивым. Девушка шла, чтобы убить и умереть. Она уже простилась с жизнью и в тот миг больше не принадлежала себе. Прекрасным ангелом смерти входила она в историю, и рок уже наделил ее губительной силой. С этого момента неминуемая гибель ожидает каждого, чье имя назовут ее уста. Вот она приблизилась к дверям и, громко, отчетливо произнося каждое слово, будто зачитала приговор, обратилась к привратнице: "Я хочу видеть гражданина Марата!"

Да, в этом доме жил сам Жан-Поль Марат, вождь и кумир парижской черни, одно из главных действующих лиц в великой драме Французской революции. Впрочем, правильнее сказать, не "жил", а "доживал" свои последние дни, медленно и мучительно сгорая от недуга, вызванного нервным перенапряжением. Целыми днями лежал он в ванне с теплой водой, работая над статьями для газеты или предаваясь размышлениям. В свои 50 лет Марат уже получил от судьбы то, к чему стремился всю жизнь и что считал высшим смыслом существования, ибо сильнее всего на свете он желал славы. Любовь к ней, как признавал он сам, была его главной страстью[2].

---

[2] *Марат Ж.-П.* Избранные произведения. М., 1956. Т. 3. С. 230.

В поисках славы он 16-летним юношей покинул отчий дом в швейцарском городке Невшатель и отправился странствовать по Европе. Его воодушевляло то, как много безвестных прежде людей "низкого" происхождения стали в Век Разума знаменитыми благодаря успехам в философии, науке и литературе. Чем только не занимался Марат в предреволюционные годы, но, увы, золотая птица удачи никак не давалась ему в руки. Попробовал он было написать сентиментальный роман в духе Руссо, однако сочинение получилось настолько слабым, что сам автор не решился его опубликовать. Во время движения за парламентскую реформу в Англии Марат попытался приобрести популярность там, издав антиправительственный памфлет, однако благоразумные англичане пренебрегли советом эксцентричного иностранца свергнуть монарха и назначить "добродетельного" диктатора. Тогда Марат решил испробовать свои силы на поприще философии и... опять потерпел крах. Хотя "гранды" Просвещения Вольтер и Дидро обратили внимание на его трехтомный опус, однако сочли сей труд философским курьезом и обидно высмеяли неофита, обозвав "чудаком" и "арлекином"[3].

Но главные надежды на осуществление заветной мечты о славе Марат связывал с естественными науками. Не жалея времени, он постигал премудрости медицины, биологии и физики. Став придворным врачом брата французского короля, он дни и ночи напролет проводил в лаборатории, перебирая окровавленными руками пульсирующие внутренности заживо разрезанных животных[4] или до боли в глазах вглядывался в темноту, чтобы увидеть "электрическую жидкость". Увы, результат оказался непропорционален затраченным усилиям. Теоретическое объяснение Маратом его опытов не выдерживало никакой критики, а потому претензии самоуверенного выскочки на "развенчание" научных авторитетов ("мои открытия о свете ниспровергают все труды за целое столетие!"[5]) вежливо, но твердо отклонялись академической средой. На что только не шел он, добиваясь признания: анонимно публиковал хвалебные отзывы о собственных "открытиях", клеветал на оппонентов и даже прибегал к откровенному жульничеству![6] Однажды, когда он публично доказывал, что резина якобы проводит электричество, его уличили в том, что он спрятал в ней металлическую иголку[7]. Ущемленное самолюбие, болезненная реакция на любую

---

[3] См.: *Фридлянд Ц.* Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII в. М., 1959. С. 90—91.

[4] *Марат Ж.-П.* Письма. М., 1923. С. 14-15.

[5] *Марат Ж.-П.* Избранные произведения. Т. 3. С. 232.

[6] Подробно о научной деятельности Марата см.: *Cabanès.* Marat inconnu, l'homme privé, le médecin, le savant, d'après des documents nouveaux et inédits. P., 1911.

[7] См.: *Араго Д.Ф.* Биографии знаменитых астрономов, физиков и геометров. СПб., 1859. Т. 1. С. 298; *Тэн И.* Происхождение современной Франции. М., 1907. Т. 4. С. 86.

критику, крепнущая год от года убежденность в том, что он окружен "тайными врагами", завидующими его таланту, и вместе с тем непоколебимая вера в собственную гениальность, в свое высочайшее историческое призвание — всего этого было слишком много для простого смертного. Раздираемый неистовыми страстями, Марат едва не сошел в могилу от тяжелейшего нервного недуга, и только начавшаяся Революция вернула ему надежду на жизнь.

С бешеной энергией бросился он разрушать Старый порядок, при котором не сбылись его честолюбивые мечты. Уже с 1789 г. издававшаяся им газета "Друг народа" не имела себе равных в призывах к самым крутым мерам против "врагов свободы". Причем в число последних Марат постепенно включил не только окружение короля, но и большинство крупнейших деятелей Революции. Долой осторожные реформы, да здравствует народный бунт, жестокий, кровавый, беспощадный! — вот лейтмотив его брошюр и статей. В конце 1790 г. Марат писал: "Шесть месяцев тому назад пятьсот, шестьсот голов было бы достаточно... Теперь... возможно, потребуется отрубить пять-шесть тысяч голов; но, если бы даже пришлось отрубить двадцать тысяч, нельзя колебаться ни одной минуты"[8]. Два года спустя ему уже мало этого: "Свобода не восторжествует, пока не отрубят преступные головы двухсот тысяч этих злодеев"[9]. И слова его не остались пустым звуком. Люмпенизированная толпа, низменные инстинкты и устремления которой он изо дня в день будил своими произведениями, с готовностью откликалась на его призывы.

Ненавидимый и презираемый даже политическими союзниками, у кого еще сохранились представления о чести и порядочности, но боготворимый чернью всей Франции, Марат наконец-то был счастлив: он поймал-таки заветную птицу славы. Правда, она имела страшное обличье гарпии, с ног до головы забрызганной человеческой кровью, но все же это была настоящая, громкая слава, ибо имя Марата гремело теперь на всю Европу[10].

А еще этот преждевременно постаревший, неизлечимо больной человек хотел власти. И он ее получил, когда взбунтовавшийся парижский плебс изгнал 2 июня 1793 г. из Конвента правящую

---

[8] *Марат Ж.-П.* Избранные произведения. М., 1956. Т. 2. С. 235.

[9] Там же. Т. 3. С. 292.

[10] Слава эта надолго пережила самого Марата. В XIX и XX вв. "якобинская" историография создала крайне идеализированный образ Друга народа, постаравшись затушевать самые темные стороны его общественной и политической деятельности. В то же время однозначно негативная оценка его консервативными историками нередко носила излишне эмоциональный характер. Лишь немногие авторы сумели избежать обеих крайностей. См., например: *Gottschalk L.R.* Jean Paul Marat. A Study in Radicalism. N.Y., 1966; *Генифе П.* Марат — идеолог Террора // ВИ. 2003. № 4. С. 150—156.

"партию" жирондистов. Блестящие ораторы и горячие республиканцы, избранные большинством голосов в своих департаментах, эти представители просвещенной элиты не смогли найти общий язык с чернью столицы, властителем дум которой был Марат. Угроза расправы побудила их бежать в провинцию, чтобы там организовать отпор произволу парижан.

И как будто само Провидение привело жирондистов в нормандский городок Кан, где уединенно и скромно жила девушка по имени Мария Анна-Шарлотта де Корде д'Армон[11]. Праправнучка великого поэта и драматурга Пьера Корнеля, она принадлежала к обедневшему дворянскому роду и в свои неполных 25 лет успела познать и нужду, и нелегкий сельский труд. Воспитанная на республиканских традициях античности и на идеалах Просвещения, она искренне сочувствовала Революции и с живым участием следила за происходившим в столице. События 2 июня болью отозвались в ее сердце. Рушилась, не успев утвердиться, просвещенная республика, а ей на смену шло кровавое господство разнузданной толпы под предводительством честолюбивых демагогов, главным из которых был Марат. С отчаянием взирала Шарлотта на опасности, угрожавшие Родине и свободе, и в душе ее росла решимость во что бы то ни стало спасти Отчизну, пусть даже ценой собственной жизни.

Прибытие в Кан вождей жирондистов — бывшего мэра Парижа Жерома Петиона, избранника марсельцев Шарля-Жана-Мари Барбару, других известных всей Франции депутатов — и выступление молодых волонтеров из Нормандии в поход против парижских узурпаторов еще больше укрепили Шарлотту в ее намерении сберечь жизни этих доблестных людей, убив того, кого она считала виновником разгоравшейся гражданской войны. И тогда, не сказав никому ни слова о своих планах, она отправилась в столицу. Так она оказалась в доме на улице Кордельеров.

Когда Шарлотта вошла в сумрачную и полупустую комнату, Марат сидел в ванне, покрытой грязной простыней. Перед ним на доске белел лист бумаги. "Вы прибыли из Кана? Кто из бежавших депутатов нашел там прибежище?" Шарлотта, медленно приближаясь, назвала имена, Марат записал. (Если бы только она знала, что эти строки приведут их на эшафот!) Марат зло усмехнулся: "Прекрасно, скоро все они окажутся на гильотине!" Больше он ничего не успел сказать. Девушка выхватила спрятанный под косынкой нож и изо

---

[11] В XIX — начале XX в. французскими историками, принадлежавшими в основном к либерально-республиканской традиции, были собраны и опубликованы многочисленные документы, подробно освещающие жизнь Ш. Корде. События же последних ее дней благодаря обилию источников можно восстановить с точностью едва ли не до минуты. См., например: *Huard A.* Mémoires sur Charlotte Corday d'après des documents authentiques et inédits. P., 1866; *Defrance E.* Charlotte Corday et la mort de Marat. Documents inédits. P., 1909.

всех сил вонзила его в грудь Марата. Тот страшно закричал, но, когда в комнату вбежали люди, "Друг народа" был уже мертв...

Шарлотта Корде пережила его на четыре дня. Ее еще ожидали гнев разъяренной толпы, жестокие побои, врезавшиеся в кожу веревки, от которых руки покрылись черными кровоподтеками. Она мужественно перенесла многочасовые допросы и судебный процесс, спокойно и с достоинством отвечая следователям и прокурору:

— Почему вы совершили это убийство?

— Я видела, что гражданская война готова вспыхнуть по всей Франции, и считала Марата главным виновником этой катастрофы.

— Столь жестокий поступок не мог быть совершен женщиной вашего возраста без чьего-либо подстрекательства.

— Я никому не говорила о своем замысле. Я считала, что убиваю не человека, а хищного зверя, пожирающего всех французов.

— Неужели вы думаете, что убили всех Маратов?

— Этот мертв, а другие, может быть, устрашатся.

При обыске у девушки нашли написанное ею "Обращение к французам, друзьям законов и мира", где были и такие строки: "О моя Родина! Твои несчастья разрывают мне сердце. Я могу отдать тебе только свою жизнь и благодарю Небо за то, что свободна располагать ею".

Жарким, душным вечером 17 июля 1793 г. Шарлотта Корде, облаченная в алое платье "отцеубийцы", взошла на эшафот. До самого конца, как свидетельствуют современники, она сохраняла полное самообладание и лишь на мгновение побледнела при виде гильотины. Когда казнь свершилась, помощник палача показал зрителям отрубленную голову и, желая им угодить, нанес ей пощечину. Но толпа ответила глухим рокотом возмущения...

Трагическая судьба девушки из Нормандии навсегда осталась в памяти людей как образец гражданского мужества и беззаветной любви к родине. Однако последствия ее самоотверженного поступка оказались совершенно иными, чем те, на которые она рассчитывала. Жирондисты, те, кого она хотела спасти, были обвинены в сообщничестве с нею и казнены, а смерть "Друга народа" стала для других Маратов предлогом сделать террор государственной политикой. Адское пламя гражданской войны поглотило принесенную ему в жертву жизнь, но не погасло, а взметнулось еще выше.

" — Чья это могила? — я спросил, и мне ответил голос из земли:

— Это могила Шарлотты Корде.

— Я нарву цветов и осыплю ими твою могилу, потому что ты умерла за Родину!

— Нет, не рви ничего!

— Тогда я найду плакучую иву и посажу у твоей могилы, потому что ты умерла за Родину!

— Нет, не надо цветов, не надо ивы! Плачь! И пусть твои слезы будут кровавыми, потому что я напрасно умерла за Родину".

(*Ф. Клопшток*)